

The lexemes expressing chromatic colours *kyzyl* “red”, *saru* “yellow”, *kok* “blue,” *jashul* “green”, *kurong* “brown” in the Kyrgyz language

Samatov K.

Лексемы, выражающие хроматические цвета кызыл «красный», сары «жёлтый», көк «синий, голубой», жашыл «зелёный», күрөң «коричневый» в кыргызском языке

Саматов К.

Саматов Кубатбек / Samatov Kubatbek - доктор филологических наук, доцент, профессор Кыргызский государственный университет имени И. Арабаева, г. Бишкек, Кыргызская Республика

Аннотация: в статье рассматриваются лексико-семантические варианты лексем кызыл «красный», сары «жёлтый», көк «синий, голубой», жашыл «зелёный», күрөң «коричневый», выражающие ахроматические цвета в кыргызском языке, устанавливаются типы полисемии – радиальные и цепочные, определяются типы семантических отношений (нулевых, привативных, эквиолентных и дизъюнктивных), делается обзор существующей литературы, сравниваются факты данного языка с соответствующими фактами родственных языков и выясняются происхождения лексем.

Abstract: in this article the lexico-semantic variants of lexemes *kyzyl* “red” *saru* “yellow” and *kok* “blue”, *jashul* “green”, *kurong* “brown” are considered the expressing achromatic colours in Kyrgyz language, types of polysemy - radial and chained are established, types of (zero, privative, equipollent and disjunctive) semantic relations are defined, the review of literature is done, the facts of this language are compared to the facts of related languages, the origin of lexemes are investigated.

Ключевые слова и словосочетания: хроматический цвет, цветообозначение, лексико-семантическое поле цветообозначений, лексико-семантический вариант, семема, сема, плисемант, радиальная, цепочная полисемия, лексикоцентрический подход, эпидигматика, парадигматика и синтагматика.

Keywords: achromatic color, colour terms, lexico-semantic field of colour terms, lexical-semantic variant, sememe, sema, plisemant, radial, chained polysemies, lexi centric approach, paradigmatic, syntagmatic.

Лексико-семантические варианты лексемы кызыл «красный»

Письменные памятники свидетельствуют о том, что в древний период развития тюркских языков понятие «красный» выражалось словами *кызыл//кызкыл* «красный» [1, с. 450], *кыргу//кызгу* «розовый, румяный» [1, с. 450; 460].

В тюркологии существует ряд этимологии *кызыл* «красный». По мнению Б.М.Юнусалиева [2, с. 125], А. М. Щербака [3, с. 118], оно является отглагольным именем. И. Лауде-Циртаугас, с одной стороны, поддерживает вышеуказанное мнение, с другой стороны, считает, что *кызыл* есть уменьшительно-ласкательная форма *кыз* «красный» [4, с. 51]. Последнюю точку зрения разделяет и А. Н. Кононов [5, с. 177].

Э.В.Севортян, опираясь на глагольно-именную омонимию, допускает возможность образования его как от имени *кыз* «горячий», так и от глагола *кыз* «краснеть» [6, с. 192]. По-мнению В.Банга, *кызыл* состоит из двух морфем: *кыз* + *сыл* «красноватый», где *кыз* именная основа, а – *сыл* – аффикс ослабления качества [7, с. 197]. Существует общепринятое мнение, что лексема *кызыл* происходит от глагольной основы *кыз* «быть красным» и прошла следующий семантический путь: «красный > накаляться > возбуждаться» [8, с. 603].

Мы полагаем, что *кызыл* состоит из двух частей, т.е. из корня *кыз* «огонь» в чагатайском языке [9, с. 875] и аффикса уподобительного характера - *ыл*, который в семантическом отношении прошел такой путь «как огонь > огненный > красный». Другая лексема *кыргу//кызгу* как и предыдущая состоит из корня и уподобительного аффикса - *гу* (*гун*), встречающегося в тунгусо-маньчжурских языках в составе цветообозначений (далее - ЦО) [10, с. 103-104].

Это, во-первых, вполне соответствует общепризнанному пути образования прилагательных от существительных вообще, а ЦО от названия предметов, имеющих определенную окраску, в частности, во-вторых, лингвистические исследования в области ЦО корейского, монгольского и тунгусо-маньчжурских языков показали, что в этих языках лексемы, выражающие понятие «красный», этимологически связаны с огнем [11, 1971].

Судя по данным письменных памятников и фольклорных произведений, можно прийти к выводу, что с незапамятных времен красный был любимым, дорогой и ценный цвет, по -видимому, благодаря своей яркости, четкости и положительной эмоциональной характеристике. Знамя древних киргизов было красного цвета: *Ногойдон калган кызыл туу Жакыпта калган мына бу* («Манас») «Красное знамя, оставшееся от Ногоя, вот находится у Джакыпа».

Одна из главных фигур мифологического представления кут представляет собой вещество темно-красного цвета [12, с. 452]. Культ фетишизма *кут* «оберег» в основном обернут в красную и синюю тряпку [13, с. 311].

Красный цвет - главная фигура любовной символики. Недаром в «Диване» говорится о том, что женщины одеваются в красное, когда они хотят быть с мужьями в интимных отношениях [14, с. 375].

В кыргызской народной поэзии, где образность является одним из главных элементов художественного мышления, *кызыл гул* «красный цветок» обозначает любимую девушку.

В старом быту существовала традиция, согласно которой девушки своим любимым дарили красный носовой платок в знак любви. И по сей день в некоторых местах встречается такой обычай, но скорее всего он трансформирован, т.е. в роли свидетельства любви выступает красный цветок или другой предмет красной окраски. Повесть Ч. Айтматова, в основе которой лежит тема любви, называется «Красное яблоко». Главный герой Исабек любимой, но еще незнакомой девушке хочет подарить красное яблоко. Она отказывается и «потом у него было много знакомых девушек, но ни одной из них ему не хотелось подарить красное яблоко. И все-таки была... одна женщина, которая... требовала у него красное яблоко».

Красный цвет как у других тюркских народов [4, с. 53-54] и в социально-политической жизни кыргызов символизирует величие, выступает как геральдический знак власти. Свидетельство тому *кызыл тебетей* (прямя) «красная шапка», которую при возведении на ханство надевали на голову возводимого как признак величия, ханского достоинства; перен.: «хан, властитель» [12, с. 717] и *кызыл чок* «конный вестовой при канцелярии или при должностном лице местной администрации» [12, с. 864]. Денотатом этих терминов служила шапка, покрытая красным бархатом [15, с. 294], следовательно, это случай языковой синекдохи, образованной на основе символики цвета.

О. А. Сухарева, исследовавшая празднества цветов у равнинных таджиков в конце XIX начале XX века, отмечает, что в оказании помощи природе в плодоношении магическими силами они (таджики - К. С.) проводили праздник красного цветка (гули сурх): тюльпана, мака и розы [16], а Г.П.Снесарев отмечает подобный случай - праздник красного цветка (*кызыл гул*) - у узбеков Хорезма. Согласно воззрениям этого народа роза была символом любви и зарождающегося семейного счастья [17, с. 205-206].

Кызыл - один из основных цветов солнечного спектра (760 – 620 нм), средний между фиолетовым и оранжевым. Он в узком смысле слова означает цвет крови, а в широком - от светло - до темно - красного, который, в случае необходимости, может репрезентироваться словами, составляющими микросистему данного слова.

К.К.Юдахин из состава лексемы *кызыл* выделяет следующие 9 сем: «красный, румяный, сивый (о масти), революционный, советский, крепкий (о чае), обмолоченные зерна, мясо, паразит, усиление» [12, с. 478], а толковые словари кыргызского языка - 5 сем: «кандын ырасындай т%ос – цвет крови, революциялык - революционный, кыг%ош, ак т%ос - сивый, белый (о масти лошади), эт - мясо, бастырылган дан - обмолоченное зерно» [18, 389; 19, 2. 158].

Из состава полисеманта *кызыл* мы выделяем следующие ЛСВ, взаимообусловленные или связанные между собой.

1. «Красный». *Кызыл туулар улам кызарып, улам алоолонуп, кун нуруна чагылышат* (Т.Сыдыкбеков) «Алые знамена зардели под лучами солнца».

Кызыл, давно потеряв связь с существительным, перешло в разряд абстрактных прилагательных, что выражается в его сочетании со всеми словами, денотаты которых имеют красный тон того или иного оттенка. Глагол *кызар* «краснеть».

2. «Румяный». *Жук бурчунда отурган чоң кара сакал кызыл киши* (К.Жантошев) «В углу стопки одеял сидел краснощекий бородач». Встречается синоним *кызылдуу*. *Кызыл* и *кызылдуу* кроме цветового значения имеет потенциальные семы «здоровый», «веселый», «красивый». Глагол *кызар* «румяниться».

3. «Красноватый, желтовато-красный», «красновато-коричневый» (о масти некоторых животных, о волосах): *кызыл* или *алтай тулку* «красноватая лиса», *кызыл кийик* «красноватый козерог», *кызыл нар* «одногогорбый рыжий верблюд», *кызыл уй* «красноватая корова» и др. *Ат ордуна мингени кызыл куйрук, кызыл нар* («Манас») «Лошади предпочел рыжехвостого рыжего верблюда». *Сакалы кызыл сеңселип, сарала ат минип теңселип* («Манас») «Рыжую бороду развевая, на булано-пегом коне плавно качаясь».

Что касается *кызыл* в отношении мастей лошадей, то исходя из древнетюркского *кызгыл ат* «темно-рыжая лошадь» [14, с. 446] можно убедиться в том, что *кызыл* имеет в этом плане глубокие корни. ЦО *кызыл* «красновато-коричневый» ярче всего представлено в разделе «Ссора Алмамбета и Сыргака» эпоса «Манас», где *Телкызыл* (кликча коня; *тел* «баловен»+*кызыл* «красный») поочередно заменяются словами *Карткүрөң* и *Күрөң* «коричневый» [20, с. 133-134]. По всей вероятности, на следующих этапах развития языка красновато-коричневая окраска шерсти, волос начали выражаться лексемами *жээрде* «желтовато-красный (*жээрде сакал*)/чач «рыжие волосы, борода», *тору* «красновато-коричневый». Здесь можно добавить, что в целях особого выделения красного оттенка гнедой масти и румяности

человека употребляется сочетание *кызыл тору*: *Атасы кызыл тору болгон менен, жука мээ билем анын ата салтын* (А.Осмонов) «Хотя он рожден красно-гнедым, я знаю, что он невынослив»; - *Ооба, кагылайын жеңе, - деди кызыл тору абысын* (Т. Сыдыкбеков)» - Да, милая тетя, - сказала румяная сношеница. Препозитивная часть может заменяться лексемой *чий* «красный»: *чий кызыл*.

Наличие *саркызыл* «желтовато-красный» (Санжыбектин Саркызыл «рыжая Санжыбека») говорит о том, что *кызыл* в эпосе использовалось и в значении «красный».

Следовательно, в эпосе «Манас» и современном кыргызском литературном языке *кызыл* обладает большим цветовым спектром, а именно «красновато – коричневым – желтовато-красный - красный» в обозначении мастей животных (лошадей).

ЛСВ (3) обнаруживается и в других тюркских языках [9, с. 876-877; 21, с. 34].

4. «Светло - серый», *ак кызыл* «чисто белый» [22, с. 423], *кызыл* «сивый», *ак кызыл* «светло-сивый», *кызыл тору* «светло -гнедой», *кызыл буурул* «темно-сивый», «светло-серый» (о масти) [12, с. 478, 754, 845]. Этот ЛСВ *кызыл* мог появиться под влиянием монгольского народа, который белую лошадь называют «красной», так как священный белый цвет не сочетается с нечистыми предметами, к которым относятся в первую очередь животные [23, с.67]. Этот взгляд имеет под собой реальную социальную почву, ибо в процессе образования киргизской народности на Тянь-Шане участвовала и часть монголоязычных племен Центральной Азии. Это, во-первых. Во-вторых, обозначение белой лошади лексемой *кызыл* не является ни образным выражением, ни запретом, свойственным примитивному мышлению, а реальным фактом. Вот что пишет один из видных ученых-цветоведов Г.А.Фадеев по поводу знаменитых строк С.А.Есенина: «Словно я весенней гулкой ранью Проскакал на розовом коне».

«Всем известно, что розовых лошадей в природе не бывает. Однако на самом деле это факт, который не ускользнул от точного взгляда поэта. На рассвете, когда не само солнце, а лишь его лучи появляются над землей, «алый свет зари» окрашивает белые цвета в нежные розовые тона. Отражаясь от белой поверхности «красные» лучи, преобладающие в потоке света, вызывают ощущение розового или красноватого цвета. Такова одна из особенностей восприятия нами красочного мира» [24, с. 3].

Видимо, этот экстралингвистический факт не ускользнул и от зоркого взгляда сказителей эпоса, что стало впоследствии достоянием народа.

Конечно, условия действительности по своим законам воздействуют на семантические явления языка. Уместно привести заметку И.А.Ефремова о том, что «по свойству Гоби - делать серое синим конь казался совершенно голубым. Я понял, отчего светло-серая масть называется у монголов *хуху морь* «голубой конь» [25, с. 293].

Сейчас, конечно, трудно установить каким именно фактором из этих двух обусловлен данный феномен киргизского языка.

Наши наблюдения показали, что в эпосе «Манас» для обозначения мастей лошадей часто употребляются *кызыл*, *кызыл буурул*, *Саркызыл*, *Наркызыл*, *Жаркызыл*, *Баркызыл*, значения которых раскрываются в определенных контекстах. Конечно, порою затруднительно определить их значения. Мы все-таки предполагаем, что *кызыл* в некоторых местах эпоса означает «светло-серый». Например, с одной стороны, в разделе «Сказ Каныкей» эпоса «Семетей» «*Тайбуурул* (тай «жеребенок» + *буурул* «чалый»), называется то *буурул*, то *кызыл буурул*, с другой стороны, эти лексемы в тех же контекстах сочетаются с глаголами *маңкай* (на якутском «белеть, сесть») и *чаңкай*, в семантике которых наличествует цветовой признак, т.е. они в основном приводятся в связь с существительными белой или светлой окраски [12, с. 517, 845 и см. мангыл]. Для ясности картины приведем один пример из эпоса «Манас»: *Жерге жарык киргенде, кара буурул кулүктөр кызыл болуп калыптыр* «Когда стало светло, темно-чалые скакуны уже выглядели светло-серыми».

ЛСВ «светло-серый, белый» свидетельствует тому, что в некоторых случаях не только постоянный, характерный, но и какой-нибудь бросающийся в глаза случайный временный признак представляет предмет.

В заключение хочется отметить следующее: во-первых, употребление *ак* «белый» (*Аккула*, *Аксур*) в отношении мастей лошадей в том же эпосе свидетельствует о том, что *кызыл* неполностью вытеснило его; во-вторых, *кызыл* «белый, светлый» в киргизском языке носит диалектный характер. В Иссык-Кульской области в отношении лошади белой масти употребляются лексемы *кызыл* или *көк*. Сема лексемы *кызыл* «светло-серый - ак боз» не известна на юге Киргизии. Любопытно, что *кизил* в таджикском разговорном языке означает «сивый» [26, с. 692].

Синоним *боз*, *ак боз*.

5. «Красивый, прекрасный, лучший, милый». С эстетической точки зрения красное воспринимается как красивое. Поэтому в данном ЛСВ реализовалась та сема, которая имплицитно содержалась в предыдущих ЛСВ 1—2. Кызыл в семантическом отношении подвергалось такому изменению: «красный цвет - красивый цвет - красивый вообще», что обнаруживается в следующих примерах: *Кызыл кыздар көлдө экен* (А.Осмонов) «Красны девицы на берегу озера». *Кыздын көзү кызылда* «Девушка любит красивое». Синоним *ак* «красивый», антоним *кара* «ужасный».

Здесь уместно привести высказывание известного ученого А.Е.Ферсмана относительно красного цвета «Увлечение рубином пришло с Востока, где мусульманский мир ставил красный камень превыше всех других драгоценных камней и украшал им одежду, утварь, оружие, предметы культа» [27, с. 223].

6. «Усиление». Этот ЛСВ обусловлен ЛСВ 5, в котором представлена потенциальная сема «лучший», и, следовательно, их связующим элементом выступает интегральный компонент «лучший». Эта сема реализовалась в следующих сочетаниях: *кызыл кымыз* «лучший кумыс», *кызыл чай* «крепкий чай», *кызыл бороон* «сильный буран», *кызыл кыргын* «кровавая резня», *кызыл (дай)// кыпкызыл жинди* «круглый дурак», *кызыл(дай)//кыпкызыл ууру* «отъявленный вор» и др. Как показывают примеры, во-первых, сема «усиление» безразлично что усиливается, во-вторых, она может актуализироваться либо вариантами, образованными с помощью морфологических элементов, либо неполной редупликацией. Но с глаголами сочетается только форма с морфологическим элементом: *кызылдай ууру//сабоо* «сильно избить», *кызылдай тоноо* «огрابتить начисто», *кызылдай талкалоо* «разрушить до основания». Синоним *кара* «коварный», *көк* «очень».

7. «Совестливый, надежный». Обычно от стыда человеческое лицо приобретает красный цвет. И именно этот реальный факт лежит в основе этих метафорических значений: *Бетинде кызылы бар киши тура* «Да, он человек совестливый», *кызыл жигит* «совестливый, надежный парень». Антоним *кара бет* «бессовестный». Глагол *кызар* «стыдиться».

8. «Мясо, тело»: *кызыл эт* «красное мясо», *кызыл* «мясо». *Кызыл көрсө, эт-бетинен туше калат* «При виде мяса набрасывается как волк». *Бир тиштем кызыл көздөн учат* «Очень захотелось кусок мяса».

Сема «тело» реализовалась в следующем контексте: *Чогуу кызыл жабар болуу деп ... кездемени бөлүшүп алдык* (С.Өмүрбаев) «Для обновки между нами материя была разделена». От *кызыл* образуется глагол *кызанда* «краснеть» (о теле сквозь рваную одежду).

9. «Чистое зерно»: *кызыл дан - кызыл*. Как и в ЛСВ 6 здесь тоже налицо цветовой признак. *Кызылы кырка тоо болуп* (А.Осмонов) «Чистое зерно напоминает горные хребты». Глагол *кызылда-* «обмолачивать». Иногда *кызыл дан* имеет значение *буудай* «пшеница». *Аскерге арнап кызыл дан, өздөрү жеп арна нан* (Тоголок Молдо) «На фронт отправляли пшеницу, а сами довольствовались ячменем».

10. «Революционный, коммунистический, социалистический, советский, общественный, передовой». Ядром этих сем является «революционный», которое появилось у прилагательного «красный» французского языка в результате употребления красного знамени в 1832 году во Франции как эмблемы и как символа революционного движения, борьбы за свободу. *Кызыл* приобрело вышеуказанные семы после победы социалистической революции, бурные события, которые происходили в общественно-политической жизни кыргызского народа в 20–40-годах, привели к расширению значений ЦО. Впоследствии появились термины-кальки социального характера, которые со временем проникли в литературный язык. Вот некоторые из них: *кызыл гвардиячы* «красногвардеец», *кызыл аскер//кыраан* «красноармеец», *кызыл кулак* «спекулянт» (оксюморон, т.е. *кызыл* здесь имеет сему «примкнувший к революции»), *кызыл дыйкан* «красный крестьянин», *кызыл казан* «общественное питание», *кызыл ишембилик* «красный субботник», *кызыл такта* «красная доска», т.е. доска передовиков» (антоним *кара такта* «черная доска»), *кызыл үй* «дом культурно-просветительной работы» и т. д.

Следует отметить, что *кызыл* часто употребляется в художественных произведениях, отражающих жизнь кыргызского народа в период от революции до 40-годов: *Абаны толкун шыбыргак кызыл койчу ыр ырдайт* (Ж.Турусбеков) «С убаюкивающим напевом красный пастух поет». *Самоордогу чай кайнап, кызыл чайканалар да ачылды* (К.Жантошев) «Закипели самовары, открылись красные чайханы».

11. «Золото, купюра достоинством в десять рублей, деньги». *Кызылдан барбы?*- деп сурады «Имеется ли золото? - спросил он». *Кызылды көргөндө кымыя түшпөйт беле* «Если бы увидел золото, то он испытывал бы внутреннюю радость». Это сема редко встречается в речи, поэтому носит периферийный характер и, как правило, нуждается в большой синтагматической обусловленности.

Исходя из вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

1. *Кызыл* — абстрактное ЦО со цветовым диапазоном «светло - темно - красный, желтовато -красный, красновато - коричневый».

2. *Кызыл* присуща активная деривационная возможность.

3. Метафорические значения *кызыл* составляют иерархическую систему и большинство частных сем непосредственно мотивируются главным.

4. Красный выступает как цвет любви, смерти, стыда, красоты и революции. Из них некоторые носят амбивалентный характер: любовь — смерть.

Лексико-семантические варианты лексемы сары «желтый»

Сары «жёлтый» - один из основных цветов солнечного спектра, наименее насыщенный цвет в хроматических тонах. Др. тюрк. *сарык* «желтый», бледный, соловый» (о масти) [1, с. 488]; *сары* «желтый, бледный» [28, с. 319].

Саара // сара в значении «желтый, светлый, бледный» существует в алтайских, уральских и семито-хамитских языках [29, с. 36].

По мнению А.Н.Кононова, лексемы *сарыг – сарык – сарых > сарых (сар)* имеют цветовые семы «желтый», «бледный», «белый» и они в сочетании с этнонимами выражает сему «западный» [5, с. 174-176].

Об этимологии лексемы *сары* нет единого мнения [30, с. 220-22; 8, с. 601-602; 681-682].

В тюркских языках *сары* имеет 13 сем различного характера: «жёлтый; русый; рыжий; соловый; саврасый; сивый; седой, белый, светлый; бледный; яркий, красный; светлый, красивый; наливной, спелый; масло» [30, с. 220-222].

К.К.Юдахин из состава лексемы *сары* выделяет 3 цветовые семы: «жёлтый», «рыжий» (о волосах), «русый» и в данном труде в разных местах приводит много устойчивых словосочетаний, где первым компонентом является данная лексема: *сары талаа* «пожелтевшая степь, осенняя степь», *сары журт// короо* «место, где раньше стоял аул», *сары оору* «желтуха, глубокая печаль, большая забота», *узун сары* «ранняя весна» [12, с. 637]. *сары таман* «в полной силе» (о хорошем коне, воле) [12, с. 699], *сары санаа* «сильное беспокойство, тревога» [12, с. 632], *сары убайым* «большая забота, большая печаль» [12, с. 797], *сары талаа* «безлюдная степь», «пустыня» [12, с. 694], *сары жол* «большая выючная или скотопрогонная дорога» [12, с. 637], *сары шамал* «холодный ветер» [12, с. 900], *сары узине чөп сал* «неотступно преследовать кого-либо» [12, с. 872].

Как показывают материалы, иллюстрирующие семы лексемы *сары*, можно было извлекать из семемы много сем.

А толковые словари кыргызского языка фиксируют только одну [18, с. 523] и две семы *сары* [19, 2, 422].

В кыргызском языке *сары* имеет 3 цветовых, 6 косвенных ЛСВ.

1. «Желтый». Эта сема выступает в двух значениях: в узком смысле слова означает цвет желтка яйца, а в широком - от красновато-желтого до бледно-желтого. В этом отношении *сары* сочетается со многими названиями предметов желтого цвета. Глагол *саргар* «желтеть».

2. «Бледный». *Саргайган өңү кубарым* (фольк) «Побледнев лицом». *Саргайган куба чөл менен* «По бледно-желтой степи». В основном эта сема актуализируется в сочетании с *талаа* «поле», *чөл* «пустыня» и *өң* «лицо». Глагол *саргар* «желтеть», «бледнеть».

3. «Рыжий, русый» (о волосах). *Сары чачтуу бала* «рыжеволосый мальчик»; *сары ат* «рыжая лошадь». Глагол *саргар* «становиться рыжим».

Следовательно, *сары*, как абстрактное ЦО, покрывает в солнечном спектре определенную часть оранжевого и область желтого.

Сары в традиционном народном мышлении считается цветом болезни, страдания, разлуки и тоски. Действительно, лицо человека, переживающего такие физические и психологические состояния, наверняка, приобретает желтый, желтоватый, бледно-желтый вид. В любовной символике желтый цветок, желтый платок выражают любовные переживания, разлуки и раставания.

По психофизическим воздействиям желтый представляется как веселый, бодрящий, привлекательный, теплый, жизнерадостный цвет.

Сары выступает и как цвет злости, вспыльчивости. Кыргызская народная пословица гласит: *Кара кишинин ачуусу келгиче, сары кишинин жаны чыгат* (П.) «Пока смуглый разозлится, рыжий весь испепелится».

В прикладном искусстве кыргызского народа *сары* олицетворяет пустыню.

Прежде чем приступить к анализу семической структуры переносных значений лексемы *сары* «желтый» следует отметить, что видный лексиколог К.К.Юдахин дал два омонима *сар* [12, с. 635] и четыре омонима *сары* [12, с. 637] и в статье *сары* «желтый» привел почти все устойчивые сочетания, образованные с данной лексемой [12, с. 637]. А другой лексикографический источник ограничивается только цветовым значением *сары* [18, с. 523].

Персидский *сара* «чистый, отборный», *сар* «голова, глава, гловарь, верх, вершина, начало, конец», *зар* «золото», *зард* «жёлтый, бледный» [31, с. 267, 276, 258, 259].

Наличие в кыргызском языке *зер//зар* «золото» и его видоизмененной формы *сары* и *сар*, *сэр*, заимствованной из персидского языка со значением «голова, глава, верх, вершина, начало», и персидское *зард* «желтый, бледный», *сара* «чистый, отборный» еще более осложняют решение данной проблемы.

Во многих языках существует связь между названиями металлов и цветов. Конечно, что было первичным, металл или цвет, сказать очень трудно. «Анализ названий «металлов» в индоевропейском позволяет вывод о тесной связи их названиями «цветовых признаков». Каждый металл называется по его характерному цвету. С другой стороны, не исключено, что названия самих цветовых признаков возникли в соответствии с именами металлов, которые воспринимались по свойственным им цветовым признакам [32, с. 714].

Топонимические исследования, проведенные по этому вопросу Д. Исаевым и К. Конкобаевым, показали, что *sar//сары* актуализирует семы различного характера: «голова, глава, главный, великий, начало, верхний, вершина», «большой, много, полный, широкий, просторный» [33, с. 85], «кривой», «косой» [34, с. 71].

Как было изложено выше, кыргызский лингвист Д. Исаев считает, что в опонимах Киргизии *сары* является иранским словом.

Другой ученый О. Молчанова, изучающая топонимы Горного Алтая, допуская перспективность поиска иранского субстрата в элементе *сары* в топонимах Средней Азии и Казахстана, приводит веские доводы в пользу своей точки зрения: недопустимость по-разному семантизировать препозитивный компонент *сары* сложных топонимов в тюркских и монгольских языках [35, с. 195]; нецелесообразность заимствования иранского форманта в создании топонимов при наличии собственных языковых средств для выражения понятия «большой, главный» [35, с. 196].

Мы также поддерживаем данную точку зрения и считаем, что она является более достоверной, более аргументированной, чем предыдущие мнения.

Действительно, возникает вопрос: соотносятся ли наши выводы с историческими фактами? «... наиболее обоснованным нам представляется, - пишет историк Ю.Худяков, мнение о двухэтапном переселении части кыргызского этноса с Енисея в IX - X вв. н.э. в Восточный Туркестан и Монгольский Алтай... и переселении в XV в. н. э. восточнотуркестанских кыргызов на Тянь-Шань» [36, с. 161]. Да, кыргызы, переселившись на Тянь-Шань, в процессе номинации озер, гор, рек, урочищ, родников и т.д. пользовались собственными лексическими средствами, не было никакой необходимости обращаться к иранским элементам при выражении первого компонента сложных топонимов.

В средние века на Ближнем и Среднем Востоке желтый цвет со своими мифологическими чертами имел философский характер [37, с. 69 -71]. Это явление уходит корнями в мусульманскую мифологию, согласно которой в священной книге Аллах говорит: «Она - корова желтая, светел цвет ее, радуется она смотрящих» [38, с. 33]. И эту желтую корову люди пожертвовали во имя Аллаха. Отзвуки этого обряда наблюдаются в культуре кыргызского народа. Например, жертвенная овца называется *ак сары башыл кой* «овца с бело-желтой головой» (*ак* «белый», *сары* «желтый», *башыл* др. тюрк. *башыл* «белая голова»). Как видно из примера, здесь переплелись элементы древне-тюркской и исламской мифологий, с одной стороны, лексемы древне - тюркского и современного кыргызского языка с другой.

Конечно, близость *zar//зер, сар, сар, сара, зард и сары* в фонетическом отношении непременно привела к фонетической контаминации, что отражается на значении лексемы *сары*.

Сейчас перед кыргызскими языковедами стоят вопросы: можно ли считать лексему *сары* полисемантическим словом, имеющим номинативное, номинативно-производное и переносное значения, или на данном этапе существуют два омонима, первый из которых выражает цветовой, а второй - субстантивное и адъективное значения. Только этимологический и семантический анализ показывают, что *сары* в составе ряда топонимов и устойчивых словосочетаний представляет семы «главный, верхний, большой, много», а в быденном сознании рядового носителя языка - семы различной иерархии цветового, и связанные с ними метафорического характера.

4. «Большой». По всей вероятности, семантическая филиация в тюркских языках произошла прежде всего на основе того экстралингвистического фактора, что бледное и желтоватое лицо человека является симптомом как физического так и психического страдания, т.е. бледный и желтоватый цвет лица как признак страдания служил промежуточным звеном в переходе семы «желтый» в «большой». Это мнение подтверждается следующими языковыми фактами: *сары санаа* «сильное беспокойство, тревога», *сары убайым* «большая забота, печаль». Идентичное явление наблюдается и в других тюркских языках [4, с. 93-94].

5. «Не очень сильный, не очень большой». Данная сема обязана своим происхождением внутрисистемной оппозиции: *кара суук* «очень сильный холод» - *сары суук* «не очень сильный холод», *кара шамал* «очень сильный ветер» - *сары шамал* «не очень сильный ветер». Не исключено, что этот феномен невиданными нитями связан с религиозно-мифологической системой древних тюрков, согласно которой *сары* вместе с *кара* составил внутрисистемную оппозицию в бинарной символической классификации [39, с. 220].

6. «Старый»: *сары журт* «место, где раньше стоял аул», *сары короо* «место старого овечьего загона» [12, с. 636]. Можно только предположить, что сема «грязный» (например, *сары тиштер* «грязные зубы»), некогда существовавшая в языке, была опорой в семантической инновации: *сары* «желтый» - «грязный» - «старый».

7. «Весенний»: *сары кар* «весенний снег – последний снег», алт. *сары кар* «желтый весенний снег», *сары йас* «весна с таким снегом».

8. «Лучший, взрослый». *Куйма кулак сарылар* «памятливые знатоки» [12, с. 637], бурятский *шара*, калмыцкий *шар* «красный, прекрасный, красивый», узбекский *сарык* «самый лучший, отборный» прямо указывают на истинность нашего предположения. Можно допускать возможность контаминацию

персидского *sara* «чистый», «отборный» с тюркским *sary* «желтый». Не исключено, что эта сема в тюркских языках Средней Азии обусловлена мифологией цвета жёлтый в исламе.

9. «Сухой», «высохший»: *sary талаа* «сухая степь», *sary өзөн* «высохшее русло реки». Эта сема неразрывно связана с номинативным значением *sary*, так как сухая степь обычно имеет пожелтевший вид. Переосмысление, замеченное В. Радловым, «желтая степь» - «сухая степь» является логичным и закономерным, считает О. Молчанова [35, с. 194].

Исходя из вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

1. *Sary* - абстрактное ЦО со цветовым спектром от бледно - желтого до красно - желтого.
2. *Sary* имеет 2 номинативно-производных значения, которые с номинативным значением имеют привативные значения.
3. *Sary* имеет переносные ЛСВ, образованные на основе номинативного значения, внутрисистемной оппозиции и контаминации.

Лексико-семантические варианты лексемы *жашыл* «зеленый»

Жашыл - один из основных цветов солнечного спектра, находящийся между *сары* и *көгүлтүр* «голубой».

Др. тюрк. *йаш* «зеленый, молодой», «свежий», «зелень» [1, с. 245], *йашыл* «зеленый, голубой», *йашыл бурчак* «зелёный горошек», *йашыл үгүз* «Хуанке» [1, с. 246], ср. тюрк. «зеленый» [40, с. 115].

Жашыл в значении «зелёный» встречается и в произведении Ю. Баласагуни «Благодатное знание».

Йашыл көк йаратты йарутты күн ай

Кара түн йарык күн сакышылыг йыл ай [41, с. 326].

И небо он создал, и солнце с луною,

И тьму, и сиянье, и время земное [42, с. 290].

Жашыл көктү жараттың Күн ай менен,

Карангы түн жарык күн кезектешкен [43, 256-б.].

Здесь следует отметить, что лексема *йашыл* употреблена ради аллитерации и слога.

С. Н. Иванов в русском переводе упускает лексему *йашыл*, а в кыргызском переводе сохранена форма оригинала.

Бывает ли небо зелёным? Писатель Жюль Верн писал о том, что последний луч Солнца будет не красным, а зелёным. «Правда, зелёный луч можно увидеть над землёй, если горизонт достаточно далек» – замечает видный астроном М. Миннарт [44, с. 79-84]. А может быть на основе этого редкого явления возникла данная сема.

Далее М. Миннарт в разделе «Когда цвет далекого неба оранжевый и когда он зеленый?» пишет: «При $x - X = 35$ км цвет становится практически зеленым, при 45 км он превращается в оранжевый».

Это объясняет также происхождение красивого зеленого цвета неба, который мы видим временами (например, после снегопада). ... в этом случае зеленая компонента лишь немного преобладает над другими цветами, так что зеленый цвет должен быть лишь слабо насыщенным, как это и наблюдается.

В действительности зеленая и желтая компоненты всегда присутствуют в свете горизонта, но в безоблачную погоду они смешиваются с синей, возникающей на более близких частицах, и создают белый свет [44, с. 252-253].

В тюркских языках лексема *йаш* имеет 9 сем: «сырой; мокрый, влажный; слеза; зелёный; незрелый; свежий; год (жизни); слой, древесные слои» [45, с.161-164], а *йашыл* - 5: «зелёный; свежий; незрелый; селезень с зелёной головой; тёмнорыжая лошадь» [45, с. 164-165]. Из вышеизложенного можно сделать вывод, о том, что эти семы соединяет архисема «незрелый».

В кыргызском языке *жашыл* «зеленый, зелень», «свежий, яркий» [12, с. 241], «зеленый» [18, с. 198], «зеленый», «состоящий из зелени», «зеленая трава, зеленая растительность» [46, с. 321], «цвет травы», «зелёный сад» [47, 531]. Хотя, кыргызские лексикографы фиксируют сему «зеленая трава, зеленая растительность», но ни рядовой носитель, ни художник слова не употребляют лексему *жашыл* в данном значении.

А абстрактное слово для понятия «зеленый» могло образоваться только на основе сравнения. Действительно, так и получилось. *Жашыл* состоит из корня *жаш* «зелень» и уподобительного аффикса - *ыл*, т.е. «похожий на зелень, цветом зеленый».

М.Хабичев хотя признает уподобительный характер - *ыл*, но *жашыл* возводит к *жашгыл* «зеленоватый» [48, с. 176]

На данном этапе наоборот в определенных обстоятельствах *көк* покрывает широкий диапазон «синий - голубой - зеленый», в связи с чем, семантическое поле *жашыл* стало уже. К.К.Юдахин [12, с. 241] наряду с «зеленый» дает значения «зелень, яркий и свежий», которые носят субъективный характер. В [18, с. 198] *жашыл* имеет значение «зеленый», а в новом издании оно характеризуется семами «имеющий зеленую растительность», «зеленая трава, зеленая растительность» [46, с. 321]. Согласно мнению авторов первый из них проявляется в таких сочетаниях как *жашыл бак* и *жашыл талаа*, хотя в этих и тому подобных сочетаниях как *жашыл колот*, *жашыл адыр* первый компонент указывает на цвет.

Другие примеры, подтверждающие что *жашыл* «зеленая трава, зеленая растительность»: *Кыштак ичи көк жашыл*, *жолдун бою гүлгүн жашыл*. По нашему мнению, сочетания *көк жашыл*, *гүлгүн жашыл* сложные ЦО, где первый компонент указывает на оттенок.

Видимо, такое явление вызвано, во-первых, потенциальной семой «состоящий из зелени», влиянием фразеологической кальки с русского языка *жашыл тилке* «зеленая полоса», *жашыл массив* «зеленый массив», где первый компонент означает не цвет, а отношение к растительности.

Хотя в пределах предложения *жашыл* субстантивируется, оно еще не приобрело статуса лексикализованного прилагательного. Сема *жашыл* «относящееся к растениям», обусловленной семой «зелень» древнетюркской лексемы *йаш*, находится в процессе вызревания.

Жашыл отличается от других ЦО отсутствием микросистемы, и почти не выступает в роли препозитивного компонента сложных ЦО, хотя из всех частей солнечного спектра наиболее

чувствительной для глаз является именно желтовато-зеленая область [49, с. 67; 50, с. 5]. Глагол *жашылдан* «зеленеть», *жашылда* «окрашивать в зеленый цвет» встречается очень редко. От *жашыл* с помощью аффикс -ча образуется существительное *жашылча* «овоши».

Жашыл не имеет фразеологию, но в художественной литературе *жашыл* имея сему «радостный», выступает как синоним молодости: *жашыл айлар*, *жашыл жылдар* «молодые месяцы, годы». В кыргызском языке в последнее время под воздействием русского языка дистрибуция данной лексемы расширяется, т.е., *зеленый массив*, *зелёное поле*, *зелёные глаз* и другие словосочетания такого типа переводятся с помощью лексемы *жашыл*. Такая тенденция наблюдается в художественной и устной речи. Раньше цвет зелёной растительности и *зелёные глаза* выражались лексемой *көк*.

Лексико-семантические варианты лексемы көк «синий»

Синий цвет и его различные оттенки играли определенную роль в обрядах и верованиях кыргызского народа, что наглядно видно из следующих обстоятельств: В эпосе «Манас» говорится: *Көкөтөйдүн көк туусу көтөрүлдү кылкылдап* «Синее знамя Кокектая поднялось кольхаясь»; или *Көк асаба тууга кара түпөк байлансын* «Пусть привяжут к синему знамени черный тупек (пучок конского волоса). А может быть, синее знамя с невидимыми нитями связано с древнетюркской мифологией, главным объектом почитания которой был *Теңир//Көк теңир* «небо».

Көк - один из элементов религиозно-мифологической антитезы: *көк теңир* «голубое небо» - *йагыз йер* «бурая земля» [39, с. 224].

В.Чепелев, исследовавший роли цветов в кыргызском народном прикладном искусстве, в частности, писал: «У монголов и киргизов он (синий — К.С) выражал значимость, возвышенность, причем эти понятия пронизывались известным ритуальным смыслом» [51, с. 36].

Кут «оберег» - один из главных элементов фетишизма, чаще всего, обернут в синюю или красную тряпку [13, с. 311].

Символика сине-голубых тонов в различных видах искусства народов феодального Востока в XIV-XV вв. так или иначе обусловлена религиозной мистикой ислама, эстетика которой утвердила именно эти тона [52, с. 54].

Не приступая к анализу семантической структуры *көк*, мы должны вкратце остановиться на семантике некоторых атрибутивных сочетаний, образованных с участием *көк* и, обычно, разноречиво толкуемых: *көк түрк* «свободный тюрк» [1, с. 312-313], «голубой тюрк» [53, с. 336-338] «восточный тюрк» [5, с. 173], *көк йылкы* «свободно пасущийся скот» [1, с. 312], *көк теңир* «голубое небо» [54, с. 28], «бог» [12, с. 418].

В древнетюркском языке *көк* имеет семы «голубой, синий, сизый» [1, с. 312], *көк* «синий, голубой, небесного цвета, светло-зелёный, цвет молодой зелени; небо; трава, (особенно молодая трава)» [55, с. 1218-1222], а *гөк* в тюркских языках 13 сем: «небо; траур (платье темно-синего или синего цвета); голубой, лазурный, лазоревый, синий; зелёный; незрелые фрукты; трава, зелень; серый» седина; багровый; чёрный; эпитет богатыря; бог; ночь» [56, с. 66-68].

В современном кыргызском языке *көк*, по мнению К. Юдахина, имеет 6 сем: «небо; синий, голубой; синька; зелёный, незрелый (о растениях); цвет траура (синий); серый, сивый (о масти)» [12, с. 417-418], а составители толковых словарей выделяют семы «зелёная трава, небесный цвет» [18, с. 343-344], «небесный цвет, незрелый, зелёная трава» [46, с. 565-566; 19, с. 54]. Только в работе К.К.Юдахина представлены более подробно как цветовой, так и вторичные значения, а в толковых словарях кыргызского языка обнаруживается ряд допущений, касающихся как цветовой, так и нецветовой семы *көк* «синий».

Из состава *көк* мы выделяем следующие цветовой и образованные на их основе другие вторичные значения.

1. «Голубой, синий». Отсутствие семы «небо» в лексеме *көк* в Орхоно-енисейских памятниках не означает, что вообще такой семы не существовало. Поэтому мы допускаем возможность образования *көк* «синий» метафорическим способом от *көк* «небо». *Көк* в ту пору потеряло связь с денотативом и обладало широкой дистрибуцией и тем самым охватывало цветовой континуум от светло - до темно - синего. Глагол *көгөр* «синеть», «голубеть».

2. «Синька и плесень». Мотивация основана и на цвете предметов.

3. «Упрямый». От упрямства лицо человека синее. Это служило основой для таких конструкций как *көк бала* «упрямый мальчик», *көк бет*, *көк мелтей*, *көк//кара көк* «упрямый». Глагол *көгөр* «упрямиться».

4. «Зеленый». Отсутствие семы «зеленый» в лексеме *көк* в древнетюркском языке говорит о том, что она появилась в средние века. Процесс приобретения другой семы связан с тем, что *көк* означало переходный цвет между синим и зеленым, а именно «сине-зеленый»: *көк карга* «сизоворонка» (зеленовато-голубой), *көк чөп* «синевато-зеленая трава». Благодаря этому промежуточному звену *көк* подвергалось семантическому изменению: *көк чай* «зеленый чай», *көк чымын* «зеленая муха», *көк шал*

«кожа для сапог зеленого цвета». Данная сема лексемы *көк* в большинстве случаев актуализируется в сочетании с названиями растительного мира. «Отражение синего неба делает зелень полей сине-зелёной, причем комбинированный цвет становится более бледным и менее насыщенным что вообще присуще смешению цветов» [44, с. 126].

5. «Зеленый» субстантивирясь означает «зелень», «овощи»: *көк базар* «зелёный базар», *көк-сөк* «зелень».

6. «Незрелый». На основе цветового сходства возникло метафорическое значение «незрелый», которое реализуется с названиями плодов, фруктов: *көк алма* «незрелое яблоко», *көк өрүк* «незрелый урюк» и т.д.

7. «Серый» (о масти животных). Это сема, как и предыдущая, является более поздним явлением. Данная семантическая инновация обусловлена тем, что *көк* абстрактное ЦО, репрезентировало переходный цвет от синего к серому, т.е. *көгүш боз* «синева-серый», который выступал в роли промежуточного звена в переходе *көк* «синий» в «серый»: *көк ат* «серая лошадь», *көк эшек* «серый осел». Синоним *боз* «серый».

8. «Фиолетовый». *Көк* имело семы «фиолетовый», «лиловый», «сиреневый», поскольку смешанный цвет между синим и красным до недавнего времени не получал самостоятельного языкового выражения.

Это обнаруживается прежде всего в переводе лексемы *фиолетовый*: *фиолетовые чернила* «*көк сыя*». Для ясности проследим пути выражения понятия «фиолетовый» в лингвистических и художественных источниках кыргызского языка: *кызгылт көк* [57, с. 924; 58, с. 917; 59, с. 11], *сыя көк*, *гүлгүн көк/көгүш* (в художественной литературе), *гүлгүн* [59, с. 50]; *гүлгүн кызыл* [60], южный *кырмак* [12, с. 496]. Схожая картина наблюдается и в других языках алтайский *көк кызыл*, кара калпакский *кызгылт көк*, ногойский *кызгылт көк*, казахский *күлгүн көк*.

Следовательно, в современном кыргызском языке понятие «фиолетовый» выражается лексемами различной структуры и формы.

К. К. Юдахиным отмечено, что «глаза голубые и серые у кыргызов считаются некрасивыми» [12, с. 418]. Хотя радужная оболочка глаза человека по окраске бывает разной, в том числе зеленой, голубой и серой, видимо, она репрезентирована единым словом *көк*. Редко встречается *көкчө*.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы.

1. *Көк* абстрактное ЦО со значением «светло – темно – синий - голубой».
2. *Көк* в определенных обстоятельствах покрывает смешанные цвета по спектру «зеленый» и «фиолетовый».
3. *Көк* в обозначении мастей животных дает сему «серый».
4. Темп развития ЦО в области холодных тонов (коротковолновая часть) заметно замедляется.
5. Сначала существовала лексема *көк* со значением «голубой – синий – фиолетовый». Постепенно выделялись лексемы *жашыл* «зеленый», *көгүш* «голубой», *гүлгүн көгүш* «фиолетовый».
6. Слово *көк* имеет 2 косвенно-производных значения.

Лексико-семантические варианты лексемы *күрөң* «коричневый»

Күрөң «коричневый», «бурый» (о масти) [22, с. 470], «*коңурга жакын*» [18, с. 379] «бурый, саврасый» [61 с. 120], «бурый» [55, с. 1450, 1451, 1454], якутский *кураң* «бурый» [62, с. 1327], тувунский *кураң* «бурый, темно-бурый, темно-гнедой» [63, с. 132], письменно-монгольский *күрегчин/күренгчин* «бурая» (о масти самок домашних животных), *күрең/күреңг/күрин* «коричневый, бурый» (о масти); эвенкийский *курин* «коричневый», ульчский *кур/курн* «серый», нанайский *курн*, «серый» [64, с. 437]; монгольский *хурэм* «базальт», *хурен* «коричневый», «бурый» [65, с. 577].

В тюркских языках *күрен* выражает масть животных и другие смежные оттенки [66, 146-147].

Г.И.Рамстедт недаром привел следующие параллели: мо. *күрене*, тюрк. *кузен* «хорек» [67, с. 195], тюркский *күз* «осень», монгольский *күрен* «коричневый, пожелтевший» [там же, с. 202].

Из вышеизложенного вытекает вывод, что ротацизм монгольских языков и зетацизм тюркских языков подтверждают нашу точку зрения, согласно которой *күрөң* производное слово: *күр/кыр* «коричневый, бурый» + *өң* «цвет» «бурый цвет > коричневый, бурый». Производящая основа *кыр* в тюркских языках имеет семы «серый (о масти), грязновато-белый» [68, с. 231] и присутствует в таких словах как *кыроо* «иней», *кыргыз* «седовласый», *кылаңгыр* «сероватый, светло-серый», *булаңгыр* «серый, сероватый».

С древнейших времен в тюркских языках понятие «коричневый» выражалось словом *йагыз*, а *күрөң* в лексикографических источниках тюркских языков отразилось только во второй половине XIX века [61, с. 120].

Об этимологии *күрөң*, отсутствует единое мнение [69, с. 463-464; 70, с. 310; 71, с. 27; 21, с. 53].

Күрөң представляет собой смешанный цвет, состоящий почти из всех спектральных цветов, что, в частности, проявляется в его сочетании со многими ЦО, уточняющими тот или иной оттенок. Для ясности приведем все: *кара күрөң* «темно-коричневый», *коңур күрөң* «темно-коричневый», *кызыл күрөң*

«красно-коричневый», *кызгылт күрөң* «красновато-коричневый», *ал күрөң* «красновато-коричневый», *сары күрөң* «желто-коричневый», *саргыч күрөң* «желтовато-коричневый» и др.

Лексема *күрөң* употребляется не только для выражения мастей животных (лошадей, коров, овец, собак), окраски оперения птиц, но и для обозначения цвета других предметов. В этом отношении в художественной литературе наблюдается тенденция к более точному описанию поля коричневого цвета, точнее говоря, цвета земли, глаз, волос, которые соответственно передавались лексемами и словосочетаниями, *кара* «чёрный», *кой көз* «карие глаза», *коңур* «темно-бурый, тёмно-коричневый».

Качкындарды чаңдай катар сорсо дагы кара жер (Т.Сыдыкбеков) «даже если бурая земля поглотит убежавших, все равно их ждёт наказание». *Кайнаган күрөң көзү кыймылга, адам жүзүнө сак чабылат* (К.Осмоналиев) «Горячие карие глаза осторожно смотрят на движение и лицо человека». *Жамал Айнуранын күрөң чачтарын уйпалат* (Ш.Абдыраманов) «Жамал ласково перебирает каштановые пряди волос Айнуры».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Аналитическое исследование, проведенное с помощью методов материалистической диалектики, системного подхода и современной лингвистики, на материале исторических памятников древне- и среднетюркских и монгольских языков, произведений устного народного творчества, прозаических и поэтических творений кыргызских мастеров слова XIX-XX вв. позволяет подытожить исследование и вкратце осветить перспективы дальнейших исследований.

Цветообозначающая лексика кыргызского языка представляет собой определенную лексико-семантическую группу, в которой проявляются закономерности языка как системы. Данное лексико-семантическое поле характеризуется парадигматическими, синтагматическими и эпидигматическими отношениями, иными словами эта лексико-семантическая парадигма есть своеобразная система, элементы которой находясь в отношениях и связях друг с другом обеспечивают ее целостность. В эту систему входят прилагательные цвета, глаголы, указывающие на цвет, образованные от цветových прилагательных и существительных - эталонов.

Совокупность устойчивых связей, обеспечивающих внутреннюю организацию и упорядоченность данной системы, образует структуру системы.

Кызыл, сары, жашыл, көк и *күрөң* являются хроматическими ЦО. Вышеупомянутые ЦО считаются абстрактными, т.е. каждое из них вербализует цветовую группу. Лексема *көк* в номинативном значении вербализует довольно широкий цветовой континуум: «зеленый», «голубой», «синий», «фиолетовый» и «серый». Исторический экскурс, сделанный в области хроматических ЦО, показал что ЦО как вербальная категоризация развивается в направлении от длинноволнового к коротковолновому концу спектра, ход развития в последнем замедляется, ярким примером чего являются цветové ЛСВ лексем *көк*. Этим абстрактным ЦО, кроме цветových, присущи сложные семантические конфигурации. Раскрытие глубинных семантических отношений лексем - полисемантов позволяет сделать вывод о том, что они имеют следующие ЛСВ: *кызыл* - 11, *сары* - 9, *жашыл* - *көк* - 8.

Диалектика развития переносных значений зависит от интра - экстралингвистических факторов. Мифологическое мышление человека характеризовалось синкретическим совмещением, средневековое – градуальным, а современное – бинарными и привативными оппозициями.

Между номинативными и номинативно-производными значениями абстрактных ЦО существуют привативные отношения. Психофизиологическое воздействие цвета, вызывая определенные впечатления переносится на другие объекты, и тем самым создаются связанные ЛСВ: *кызыл* «красивый», *сары* «старый», «сухой» и др.

Следовательно, дизъюнктивные отношения связывают номинативные и связанные значения. Некоторые ЛСВ предопределены контаминациями, бинарной и внутрисистемной оппозицией.

Вышеизложенные данные привели к установлению ассоциативных (семасиологических), ассоциативно-понятийных (семасиологических-ономасиологических) разновидностей, радиальных, цепочных и смешанных типов полисемантов ЦО.

Посредством сравнительно-исторического метода выявлено, что абстрактные ЦО являясь ядром лексико-семантической парадигмы, отличаются от периферии-микросистемы следующими особенностями: способностью к многозначности, частотностью употребления, участием в фразеологизмах, свободной дистрибуцией, первичностью цветových значений, стилистической нейтральностью, непроизводностью основы, участием в словообразованиях, древностью.

Литература

1. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.
2. Юнусалиев Б. М. Киргизская лексикология. Часть 1 (развитие корневых слов). Фрунзе.: Киргосучпедгиз, 1959. 248 с.

3. *Щербак А. М.* Грамматический очерк языка тюркских текстов X-XIII вв. из Восточного Туркестана. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1961. 204 с.
1. *Laude – Cirtautas.* Der Gebrauch der Farbbezeichnungen in der Turkdialekten. Wiesbaden, 1961. 210 с.
4. *Кононов А. Н.* Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник, 1975. М.: Наука, 1978. С. 159 – 179.
5. *Севортян Э. В.* Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М.: Наука, 1966. 438 с.
6. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «К» / Авт. сл. статей Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин. М.: 2000. 261 с.
7. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика: 2-е изд., доп. М.: Наука, 2002. 822 с.
8. *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. 2, часть 1. СПб., 1899. 1052 с.
9. *Котвич В.* Исследование по алтайским языкам. М.: ИВЛ, 1962. 371 с.
10. *Петрова Т. И., Бугаева Т. Г.* Общие основы и лексические модели в словах, обозначающих признак «красный» в тунгусо-маньчжурских и других языках // Проблемы общности алтайских языков. Л.: Наука, 1971. С. 91-101.
11. *Юдахин К. К.* Киргизско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1965. 973 с.
12. *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе: Кыргызстан, 1990. 480 с.
13. *Махмуд Кошгарши.* Туркий сузлар девони. I т. Тошкент: Фанлар академиясы нашриёти, 1960. 660 с.
14. *Карасаев Х.* Накыл сөздөр. Бишкек: Шам, 1996. 449 б.
15. *Сухарева О. А.* Празднества цветов у равнинных таджиков (конец XIX - начало XX в.) // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М.: Наука, 1986. С. 31-46.
16. *Снесарев Г. П.* Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969. 336 с.
17. Кыргыз тилинин түшүндүрмө сөздүгү. Ф.: Мектеп, 1969. 775 б.
18. Кыргыз тилинин сөздүкү. 2-бүлүк. Бишкек: Бийиктик, 2011. 891 б.
19. Манас. 2-китеп. Фрунзе: Кыргызмамбас, 1958. 318 б.
20. *Антонов Н. К.* Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск, 1971. 175 с.
21. *Юдахин К. К.* Киргизско-русский словарь. М.: ОГИЗ ГИС, 1940. 546 с.
22. *Шерцль В. И.* Названия цветов и символические значения их. Воронеж. 1884. 180 с.
23. *Фадеев Г. Н.* Химия и цвет. М.: Провещение, 1983. 160 с.
24. *Ефремов И. А.* Дорога Ветров: (Гобийские заметки). М.: Трудрезервиздат, 1958. 360 с.
25. Русско-таджикский словарь. М.: ГИИНС, 1949. 890 с.
26. *Ферсман А. Е.* Очерки по истории камня. Т. 1. М.: Терра-Книжный клуб, 2003. 304 с.
27. *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. 4. 1. СПб., 1911. 1900 с.
28. Иллич-Свитыч, Опыт словаря ностратических языков. М.: Наука, 1971. 240 с.
29. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». М.: Восточная литература РАН, 2003. 446 с.
30. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. II, Тбилиси: изд-во Тбилисского университета, 1984. 1328 с.
31. *Миллер Б. В.* Персидско-русский словарь. М.: ГИИНС, 1953. 990 с.
32. *Исаев Д.* Жер-суу аттарынын сыры. Фрунзе.: Мектеп, 1977. 152 б.
33. *Конкобаев К.* Топонимия Южной Киргизии. Фрунзе: Илим, 1980. 172 с.
34. *Молчанова О. Т.* Желтые цвета в алтайском ономастиконе // Turcologica. М.: Наука, 1986. С.192-201.
35. *Худяков Ю. С.* Кыргызы на просторах Азии. Бишкек: Бийиктик, 1995. 232 с.
36. *Миронова Л. Н.* Цветоведение. Минск: Вышэйшая школа, 1984. 286 с.
37. Коран / Пер. с араб. акад. И.Ю. Крачковского/. М.: Новый стиль, 1990. 512 с.
38. *Стеблева И. В.* К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы // Тюркологический сборник. 1971. М.: Наука, 1972. С. 213 – 226.
39. *Мелиоранский П. А.* Араб филолог о турецком языке. СПб., 1900. 190 с.
40. *Yusuf Has Nasib.* Kutadgu bilig. Metin. 3 baski. Ankara, 1991. 656 b.
41. *Юсуф Баласагуни.* Блгодатное знание /Перевод С.Н. Иванова. Л.: Сов. Писатель, 1990. 560 с.
42. *Жусуп баласагын.* Куттуу билим / байыркы түрк тилинен которгон Т.Козубеков/. М.: НИК, 1993. 496 б.
43. *Миннарт М.* Свет и цвет в природе. М.: Наука, 1969. 360 с.
44. *Севортян Э. В., Левитская Л. С.* Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й» / М.: Наука, 1989. 291 с.

45. Кыргыз тилинин түшүндүрмө сөздүгү. 1-том. Ф.: Мектеп, 1984. 622 б.
46. Кыргыз тилинин сөздүгү. 1-бүлүк. Б., 2011. 880 б.
47. *Хабичев М. А.* Именное словообразование и формообразование в куманских языках. М.: ГРВЛ, 1989. 218 с.
48. *Кравков С. В.* Цветовое зрение. М.: Изд. АН СССР, 1952. 175 с.
49. *Соколов Е. Н., Измайлов Ч. А.* Цветовое зрение. М.: Изд. МГУ, 1984. 175 с.
50. *Чепелев В.* Кыргызское народное искусство // Искусство. 1939. - № 5. С. 33-44.
51. *Чепелев В.* О народной линии в искусстве феодального Востока// Искусство. 1936. № 1. С. 47-58.
52. *Гумилёв Л. Н.* Древние тюрки. М.: «Клышников-Комаров и К», 1993. 511 с.
53. *Щербак А. М.* Огуз-наме. Мухаббат-наме / Памятники древне-уйгурской и староузбекской письменности/. М.: ИВЛ, 1959. 171 с.
54. *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. 2, часть 2. СПб. 1899. 1052 с.
55. *Севортян, Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. М.: Наука, 1980. 395 с.
56. Русско-киргизский словарь. М.: ОГИЗ ГИС, 1944. 984 с.
57. Русско-киргизский словарь. М.: ГИИНС, 1957. 991 с.
58. *Фадеев Г. Н.* Химия жана түстөр / которгон С.Молдобаев/. Фрунзе: Мектеп, 1986. 152 б.
59. Уй-тиричилигинин кыскача энциклопедиясы. Фрунзе: КСЭ, 1989. 632 б.
60. *Будагов Л.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. 2. СПб., 1871. 980 с.
61. *Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка. Т. 1-3. М., 1958.
62. *Катанов Н. Ф.* Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903. 470 с.
63. Сравнительный словарь тунгусо -манчжурских языков. Т., 1, Л.: Наука, 1971, с. 458.
64. Монголо-русский словарь. М., ГИИНС, 1957. 490 с.
65. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К», «Қ» / Авт. сл. статей Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин. М.: Языки русской культуры, 1997. 368 с.
66. *Рамsted Г. И.* Введение в алтайское языкознание. Морфология. М.: ИИЛ, 1957. 254 с.
67. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Қ» / Авт. сл. статей Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин. М.: Языки русской культуры, 2000. 261 с.
68. *Doerfer G.* Tiirkische und monglolische Elemente im Nenpersischen, Bd I-III, Wiesbaden, 1963-1967.
69. *Pasanen M.* Versuch eines etymologischer Wörterbuchs der Turkspracher. Helsinki, 1969.
70. *Щербак А.М.* О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков // Вопросы языкознания. 1966. № 3. С. 21 - 35.
71. Микросистемы ахроматических цветообозначений в кыргызском языке. 3-статья.
72. Микросистемы хроматических цветообозначений в кыргызском языке. 4-статья.
73. Модели и валентность сложных цветообозначений в кыргызском языке. 5-статья.